

Исповедь влюбленного человека

В мальчишеском ансамбле, который на базе МГМПИ им. Глинки Никитин создаст на этот раз, самым молодым «певцам» исполнилось по четыре года. Отыскивал и прослушивал он их в детских садах города, потому что убежден — городу нужны по-настоящему хорошо поющие мужчины. Впрочем, люди, просто любящие песню, Магнитке тоже необходимы — в этом он также не сомневается. Может, в этой его уверенности и кроется секрет того, почему заслуженному работнику культуры России, заслуженному деятелю Всероссийского музыкального общества, создателю и бессменному руководителю мужского вокального ансамбля «Металлург», мужского хора «Магнитка», инициатору многих и многих хоровых праздников Александру Васильевичу НИКИТИНУ удается заряжать аудиторию какой-то особой энергией: когда в заключение концерта он поворачивается лицом к залу и руки его на миг застывают в дирижерском полете, приглашая к песне, сотни людей начинают петь, забыв о ссорах и дразнях, о неуверенности в завтрашнем дне и вообще относительности всего земного...

Так заканчиваются все выступления «Металлурга» и «Магнитки». Так завершался прошедший недавно вечер, посвященный презентации диска ансамбля, 30-летию творческой деятельности и 50-летию его руководителя.

Разговор же наш с юбиляром начался на этот раз не с вопросов, а с фотографий в альбоме, которые мой собеседник периодически комментировал в течение всей нашей беседы. Лица друзей и близких, картинка студенческого быта, кадры семейной хроники, концерты, фестивали, конкурсы — все объединили их страницы...

— Я абсолютно коренной магнитогорец. Здесь родился, вырос, стал ходить в хор мальчиков, которым руководил замечательный человек — Евгений Михайлович Баранов. Он стал для меня образцом на всю жизнь. Был я там солистом (помню еще, пел такую песенку «Купила мама Лешке отличные калоши...»). А музыкальную школу заканчивал по классу баяна — фортепьяно мне родители купить не могли. Закончил ее как бы экстерном — за три года, и поскольк интересовался нотами — много подбирал — меня как-то пригласили на лето поработать в пионерском лагере, в котором мы и встретились с Валентиной Афанасьевной Буйвид. Она увидела, как я работаю с детскими хорами (хотя самому мне тогда было 15 или 16 лет), и сказала: «Тебе надо поступать в музучилище, а ты здесь время проводишь, когда там вовсе идут экзамены.» И ведь какие удивительные люди были! Валентина Афанасьевна сняла меня с работы, позвонила Борису Ивановичу, своему мужу. Тот, что называется, взял меня за руку, привел в музучилище и познакомил со всеми. Экзамены уже заканчивались. На баян мест не осталось. А что такое «дирижерское отделение», я не знал. Но когда мне сказали, что «это с хором работать», я, не задумываясь, ответил: «А вот это мне нужно!»

Потом был музыкально-педагогический институт имени Гнесиных, в котором последние два года я учился заочно и диплом свой защищал на Магнитогорской Государственной хоровой капелле, где работал хормейстером. И здесь, конечно, мне дал путевку в жизнь Семен Григорьевич Эйдинов.

Были мы тогда молоды — экспериментировали, много гастролировали. Вот эта фотография была сделана в Эстонии. Я в молодости увлекался рисованием (да иногда и сейчас берусь за карандаш) и любил лепить. Сделал тогда вот такую снежную бабу... А однажды, на юге впервые взял в руки глину и стал лепить себя. Вылепил голову — получилось довольно похоже.

— Судя по снимку, действительно. Вы о перемене профессии никогда не задумывались?

— Моя теща предложила тогда показать эту работу известному скульптору Льву Кербелю, с которым была дружна. Он посмотрел ее и по-

интересовался: «Это вы в первый раз сделали?» Потом просмотрел кое-какие рисунки и сказал, что согласен со мною заниматься. Но я в то время перешел уже на заочное отделение и переехал в Магнитогорск, так что пришлось от занятий отказаться.

— Так у вас какая профессия? — спросил меня Кербель.

— Дирижер. И я очень люблю свою специальность...

Ну, словом, если бы он сказал тогда: «Знаете, Саша, вы гений», я бы, может, подумал о смене профессии. А так... Евгений Михайлович Баранов, который был влюблен в звучание мальчишеского пения, дал мне, видимо, более сильный толчок...

— И все-таки человек — существо больше индивидуальное, чем коллективное. Может быть поэтому большинство из нас со школьных лет терпеть не может петь в хоре. А в ваш ансамбль и хор идут. Почему?

— Мне кажется, когда люди чувствуют, что человек истинно любит то, что делает, когда он искренне увлечен этим, они откликаются и идут с тобой до конца. Мне повезло, что в детстве нашим хором мальчиков пришел руководить молодой мужчина. А когда мужчина занимается таким делом — это вот убеждает. Поэтому, когда говорят, что не все у нас любят хор, я думаю, это потому, что мало у нас мужчин поющих и увлеченных.

— Именно поэтому вы и решили создать «Союз поющих мужчин Магнитки»?

— Тут сама жизнь повернула так, что начали «умирать» дворцы, творческие коллективы, и встал вопрос о том, как сохранить то лучшее, что у нас было. Вот тогда мне, может быть одному из первых в городе, удалось найти спонсора. Это был Евгений Вавилов, который сшил ансамблю костюмы и помог на первых порах становлению нашего движения. Цели и задачи «Союза» — поддерживать в городе мужское певческое движение, придать ему статус певческого братства. Мы поощряем наших певцов, помогаем семьям тех наших товарищей, которые трагически ушли из жизни, проводим концерты, подобные вечеру, посвященному 120-летию Шаляпина... Нам помогают организации, учреждения, люди, которые понимают важность

развития культуры в городе. А членом «Союза» может стать каждый, поддерживающий это движение, даже если сам он не поет. Мы, кстати, хотим создать специальную книгу о мужском певческом братстве и занести в нее имена всех, кто помогает развитию нашего дела.

— Традиции мужского хорового пения после революции оказались в России «дискредитированы». Мужскими хорами славилась русская православная церковь, хоровое пение любило казачество — в общем, связаны эти традиции были во многом с тем, что «новым миром» отвергалось. А вы занялись развитием именно этой линии в вокальном искусстве.

— Да, потому что, когда Петр I «Россию поднял на дыбы», когда он проводил свои реформы (которые сегодня можно оценивать и положительно, и отрицательно), он выстроил напротив своего дворца великолепное здание для певчих, которых привез в Петербург из Москвы. Петр придавал этому искусству огромное значение и, более того, в одном из соборов есть табличка, на которой написано, что на этом месте пел он сам басовую партию. Я, кстати, смотрел партитуры этих трехголосных кантов — у каждого голоса была своя мелодическая линия, и басы держали самую нижнюю из них... Но мужское хоровое пение в России идет с еще более древних времен. Известно, что Иван Грозный писал стихиры. Они сохранились, и сегодня некоторые мужские коллективы вновь их исполняют...

То есть идет все это из глубины нашей истории. И вообще, россиянин искони в субботу шел в баню омыться свое тело, а в воскресенье он душу свою очищал — шел в собор, где соединялись живопись, лепка и красивое мужское пение в сочетании с пением мальчиков. Это было духовным стержнем нации...

И в Магнитогорске тоже все ведь начиналось не на пустом месте. Основы любви к хоровому пению закладывались здесь многими людьми до меня. Это и начальники цехов металлургического комбината — Сагайдак, Трифонов, у которого был великолепный хор доменщиков. Владимир Бражник вообще руководил смешанным хором у себя в цехе... Потом приехала в Магнитку целая плеяда музыкантов: Эйдинов, Чернушенко, Лешко, Васильев, Малиновкина, Федотова, Фоменков... Вот они все это собирали, влюбляли в пение, ставили оперы. Благодаря этому-то и стало потом возможным собрать певцов-металлургов с уже сформировавшимися голосами. Да, был жесткий отбор. Но те, с кем мы начинали без малого 25 лет назад, по существу, почти все остались в «Металлурге».

— А после грохота в цехах музыка еще воспринимается?

— Вы знаете, многие мне говорят: «Александр Васильевич, у нас такая тяжелая работа! Придешь с нее — голова болит, все болит... А начнешь петь, и к концу репетиции все напряжение, вся усталость куда-то уходят...» Я думаю, что музыка (может, мы это еще не до конца понимаем) — одно из сильнейших лечебных средств. Не зря говорят: «Кто поет — долго живет». Люди здесь получают такую подзарядку — на первый план выходят эмоции, все остальное отбывает...

— Ни у ансамбля, ни у хора нет статуса профессионального коллектива. А между тем, профессионал, получающий за свою работу деньги, много надежных любителей, который может уйти из коллектива в любой момент. Например, просто из-за неуживчивого характера...

— Знаете, что касается характера, то, если человек любит петь и у него хороший голос, что бы о нем ни говорили, я прощу ему все. Есть другая сторона дела — материальная. Конечно, если объявляется набор в какой-то коллектив, где есть твердая ставка, человек пойдет туда. Ко мне он будет приходить просто потому, что есть уже длительная дружба, какая-то привязанность. Но прийти-то он придет, а вот петь ему будет уже нечем — все силы в том коллективе оставил. Причем осуждать я никого не могу. Сегодня жизнь вынуждает думать о вопросах меркантильных, а искусство не терпит этого.

Главная профессия в нашем городе мужская — металлург. И если существует у нас мужское хоровое движение, его обязательно нужно укрепить и нужно создать профессиональный или полупрофессиональный мужской хор. В него войдут и «Металлург», и «Магнитка». В Москве нас как-то слушал хормейстер Большого театра, так после выступления он сказал, что нескольких наших певцов может сразу взять на сцену.

У нас сложился уже такой огромный репертуар, что мы можем каждые два месяца делать новую программу. И самое интересное, что мужское-то пение любят. Вы сами видели, что было на нашем последнем концерте. Мы не замыкаемся ни на академизме, ни на церковной музыке, которую поют сейчас все, веруя или не веруя... Вы же видели, как подпевал весь зал, когда мы исполняли фантазию на темы песен 50–60-х годов.

— Плакали даже.

— Да, каждый вспоминал свое прошлое, каким бы оно у него ни было. Это самые прекрасные и чистые моменты — такой отзыв публики... И, понимаете, я с хорошей завистью смотрю на роскошный американский автобус, который возит хоккейную команду «Металлург». Конечно, мы собираем залы во Дворце культуры. Но сколько народу отдыхает сейчас на базах отдыха, где особых-то развлечений и нет. Зато как нас там слушают! Но мы не можем выехать, потому что своего транспорта у нас нет. А хватило

бы и микроавтобуса типа «тойоты» или «фольксвагена». Тогда мы смогли бы и лучше реализовать себя, и посоревноваться в своей области с любой европейской «командой». И мы это уже доказывали, когда ездили в Германию и Америку.

— Кстати, как принимают ваши выступления на католическом Западе? Это ведь совсем иная культура, иной слух.

— Недавно в Эрфурте мы участвовали в Днях славянской культуры, и немцы остались очень довольны нашими выступлениями — отзывы были замечательные. Причем, по существу, мы рекламировали там акционерное общество Магнитогорский металлургический комбинат. У нас уже была готова пластинка с лучшими песнями казаков Урала в исполнении ансамбля «Металлург», и это тоже создавало имидж комбината, руководство которого выделило деньги на ее выпуск.

Да, немцы мало знают русскую духовную музыку, поэтому мы выучили целую программу — сделали ее контрастной, то есть были там не только мужские церковные песнопения, но и российские, и народные песни. Нам разрешили даже исполнить под сводами соборов фантазию на темы песен 30-х годов, в которой звучат «Очи черные»...

А в Америке, вообще, очень непосредственно выражали чувства. У них, кстати, мужское хоровое пение развито гораздо лучше, чем у нас. Вот недавно в городе гостила группа американских учителей, среди которых был один бизнесмен — член Сената, который к тому же поет в мужском квартете. Он потом прислал мне кассету с записями их коллектива — блистательный совершенно квартет. И они уже интересуются условиями III Международного фестиваля мужских хоров, который пройдет в Магнитке и в год 50-летия Победы впервые будет посвящен тем, кто ковал ее в тылу... Причем американцам хотелось бы жить не в гостиницах, а в семьях. Вот так завязываются наши взаимоотношения...

— Александр Васильевич, неужели вам мало забот и хлопот с ансамблем, с хором, с организацией фестивалей и конкурсов, что вы еще все-таки хотите создать «Соловьев Магнитки»? Дети сами по себе — народ особый. А уж создать мальчишеский хор — это, по-моему, вообще сродни героизму.

— Ну, во-первых, как приохотить ребенка к музыке так, чтобы при этом не отбить к ней интереса, мы с женой прошли на наших собственных сыне и дочери. Алена стала музыкантом, а Женя сейчас с отличием заканчивает Российскую медицинскую академию. И хотя музыкантом он не стал, музыка ему очень помогает.

Во-вторых, с детьми мне пришлось заниматься и общаться, когда мы с капеллой подготовили семилетний цикл бесед-концертов для школьников. Так что практика была довольно большая. Но одному это дело, конечно, никогда не потянуть, нужно искать специалистов. И я очень рад тому, что мой зять окончил в Минске хоровое училище мальчиков, а потом институт имени Гнесиных и стал, действительно, очень хорошим помощником мне. Есть у нас музыкально-педагогический институт имени Глинки, в лицее очень хорошие педагоги, которых надо увлечь этим. Работа с хором мальчиков — это кровь и пот. Но уж если ты это пройдешь, отдачу получишь необыкновенную. Не случайно же японцы тратят огромные средства именно на музыкально-эстетическое воспитание детей. Я давно убедился, что те, кто прикоснулся к музыке, в частности, к пению, обычно, становятся хорошими руководителями, и многого в жизни достигают. Из замкнутого только на производстве или только на быте человека не получается личности...

— Много ли было в вашей жизни встреч, о которых с высоты прожитых лет вы можете сказать: «Да, это судьба!»?

— Мне, действительно, повезло на таких людей и на встречи с ними. Судьба, что были в моей жизни Евгений Михайлович Баранов и семья Буйвид, все музыкальное училище и такие его педагоги как Кондратовская, Орлова, Томас; блистательные музыканты Чернушенко, Лешко, Эйдинов, который поднял статус музыканта в нашем городе, как не удавалось это сделать никому до него. Это встречи с Марией Бондарь — главным хормейстером Всесоюзного тогда радио и моим институтским преподавателем, с Александром Юрьевым... Ну и судьба — это, конечно, сам ансамбль «Металлург», запись нашей пластинки. Судьба, что моя жена занималась с хором мальчиков «Жаворонок», и сама всю жизнь мечтал об этой работе. Судьба, что окружает очень много хороших людей... А сейчас знаком судьбы, наверное, можно считать предложение ректора нашего музыкально-педагогического института имени Глинки Александра Николаевича Якупова создать совершенно новую кафедру — мужского певческого и дирижерского образования.

— С каких же слов вы начнете работу на ней?

— Я скажу о том, что главная наша цель — не засушить, не отвалить, а приохотить мальчиков к музыке. Детей талантливых у нас много. Их просто надо найти и не отпустить. И тогда Магнитка запоет. А запоет — значит и жизнь наша будет хороша.

— И все-таки поделитесь секретом, как преуспеть в своем деле и оказывать влияние на других.

— Я просто люблю людей — люблю детей и стариков. Этому научила меня мама. Она была по профессии бухгалтером. С утра до вечера занималась бумагами — счедами, балансами, отчетами... Мама мне просто говорила: «Надо любить людей». Вот и все...

Беседу вел В. ЗАСПИЧ.
Фото В. МАКАРЕНКО.